

туре. Таким образом, рамки собственно житийных жанров все более и более сужаются в результате более глубоких исследований и большей дифференциации литературных групп, объединявшихся ранее в один жанр на основании внешних признаков.

Житие протопopa Аввакума в советском литературоведении непосредственно к агиографической литературе не относилось.⁶ Однако один из первых исследователей Жития как литературного памятника — Н. К. Гудзий — все же сопоставлял Житие с другими древнерусскими житиями, стремясь именно в этом литературном ряду определить своеобразное место произведения Аввакума. Н. К. Гудзий пришел к выводу: новаторство Аввакума как писателя состояло в том, что он реформировал традиционное житие.⁷ С агиографической литературой сопоставлял Житие и В. Л. Комарович.⁸ К сходным выводам, отталкиваясь от параллели Житие Аввакума и древнерусские жития, пришли и зарубежные исследователи. П. Паскаль в книге «Житие протопopa Аввакума, им самим написанное» констатирует, что «Аввакум не мог подчиниться предписаниям агиографического жанра».⁹ Р. Ягодич в своем исследовании о Н. С. Трубецком заявляет, что «творение... страстного, фанатического поборника старорусского благочестия... ознаменовало окончательный упадок этого литературного вида» (т. е. житийной литературы, — В. Г.).¹⁰ Таким образом, сравнение Жития Аввакума с другими произведениями житийного жанра, пусть и в плане противопоставления, стало в какой-то мере традиционным.

От этой общепринятой параллели отличается подход к Житию В. П. Адриановой-Перетц. «Создавая оригинальную форму для своей автобиографии, — пишет исследователь, — Аввакум переосмыслил для нее не столько жития, сколько апостольскую литературу — деяния и послания апостолов».¹¹ Это наблюдение знаменательно — оно выводит исследователя из одного, привычного литературного ряда и побуждает искать точки соприкосновения Жития с другими видами средневековой письменности. В самом деле, ссылака Аввакума на апостолов, цитаты из соответствующих новозаветных книг и отдельные реминисценции (см., например, 2-е послание апостола Павла Коринфянам, гл. II, 23—32) свидетельствуют о некотором воздействии апостольской литературы на Аввакума в процессе создания им своего Жития. Но все же, на наш взгляд, не это воздействие определяет жанр Жития уже хотя бы потому, что ни апостольские деяния, ни послания апостолов не являются художественными произведениями, в них отсутствует образ человека, типизация характера, они представляют собой образец религиозно-дидактической литературы.

В Житии протопopa Аввакума действительно наличествуют элементы, присущие отчасти апостольской литературе, в еще большей степени характерные для житийной литературы: черты страдальца за веру в образе центрального героя, рассказы о чудесах и видениях, назидательные ком-

⁶ Связь «Жития» с агиографическим жанром склонен был одно время преувеличивать П. Паскаль (см.: *Pierre Pascal. Avvakum et les débuts du rascol. La crise religieuse au XVII-e siècle en Russie.* Paris, 1938, стр. 485).

⁷ Н. Гудзий. Протопоп Аввакум как писатель и как культурно-историческое явление. — Житие протопopa Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Изд. «Academia» [1934], стр. 27.

⁸ АИРЛ, т. II, ч. 2, стр. 312.

⁹ P. Pascal. *La vie de l'archiprêtre Avvakum, écrit par lui-même...*, 2 édition. Paris, 1938, стр. 43.

¹⁰ R. Jagoditsch. *N. S. Trubetzkoy als Literaturhistoriker.* — *Wiener Slavistisches Jahrbuch*, Viertes Band, 1955, стр. 46.

¹¹ История русской литературы, под ред. В. А. Десницкого и др., т. I, ч. I. Учпедгиз, М., 1941, стр. 299.